

Сюэ Линцзин промолчал.

За спиной не раздавалось ни звука, лишь дыхание — то затихающее, то прерывистое — щекотало шею. Шитоу сделал осторожный шаг вперёд и поднялся на вершину склона. Он опустился на колени и взглянул вниз. До самого горизонта долина пестрела ковром распустившихся цветов. Сквозь клубящийся туман и укутанные благоуханием ущелья доносился беззаботный смех: в этом Персиковом источнике и стар и млад радовались жизни, а ученики Улин наслаждались тишиной и покоем.

Шитоу увидел Фу Цинфэна, мертвецки пьяного перед огромным кувшином вина. Чуть поодаль Цэнь Цихэ и Юй Дайлань, которым сейчас вовсе не полагалось быть на горе, скрестили мечи, споря на очередную чарку. Владыки пещер Лу Сюэшань и Чжан Цифэн усердно занимались делами школы. А ещё дальше, у самого ручья, тихо удил рыбу незнакомый монах. Присмотревшись, Шитоу вспомнил — это был сам Юй Суцин.

— Это иллюзия? Сюэ Линцзин? — растерянно спросил Шитоу.

Его взгляд скользнул в сторону и замер. Там, в самой глубине багряных зарослей, на ветвях цветущего дерева спал бессмертный. Парчовые одежды, алая корона... лицо его скрывала листва, но с ветки свисало белоснежное запястье, обвитое длинной нитью яшмовых чёток, а в расслабленных пальцах покоился расшитый золотом веер.

В глазах Шитоу внезапно вспыхнула резкая боль, и он тут же отвернулся.

— Это Лабиринт, — тихо отозвался Сюэ Линцзин. Голос его звучал глухо. — Моя формация... Лабиринт Персикового Источника. Я сотворил его, чтобы поймать Сун Чжия. Из него нет выхода. Он не рухнет, пока заклинатель жив.

Шитоу резко замер.

— Давеча... ты был неправ, — прошептал Сюэ Линцзин. Его дыхание почти угасло, а тихий голос походил на паутинку, бьющуюся на ветру. — Я вовсе не пытался сбежать.

— Тогда ради чего? — хрипло спросил Шитоу. — Я не понимаю.

Сюэ Линцзин слабо улыбнулся.

— Когда мой учитель, Юй Суцин, попал в беду, я попытался спасти его с помощью Формации Искоренения Бессмертных. Но круг замкнуть не удалось... Учитель погиб. С того самого дня в моей душе пустил корни грех.

Шитоу слушал молча, опустив взгляд на устилавшие землю лепестки. Он шагнул вперёд — под подошвой тихо шуршало, сминая нежные бутоны и втаптывая их в грязь.

— Эта скверна свилась в моём сердце тугим, бесконечным узлом, — продолжал Сюэ Линцзин, горько усмехнувшись. — Я так боялся её. Стал труслив, вечно сомневался... Думал: а что, если бы тогда формация сработала? Если бы я умер вместо учителя, разве не стало бы всем лучше? И каждый раз, когда эта мысль возвращалась, узел затягивался всё крепче. Мой грех тяжелел. Чем отчаяннее я пытался распутать его, тем глубже увязал, блуждая во тьме лабиринта, из которого нет возврата.

— Я не понимаю, — повторил Шитоу.

Сюэ Линцзин, словно не слыша его, продолжал говорить:

— Но теперь, пройдя через все испытания, встретив тебя и побывав на краю гибели, я наконец вспомнил... Когда я только давал клятву обрести бессмертие, это было не ради похвалы владык и не ради бремени главы школы. Я просто хотел пожить подольше. Хотел защитить свой скромный приют, уберечь учеников, друзей и близких. Хотел разделять с ними боль и страх, горевать об их уходе, даже мучиться виной. Я встал на путь совершенствования не ради того, чтобы отречься от этих чувств, а чтобы встретить их лицом к лицу. Теперь я больше не хочу распутывать свой узел греха. Я пойду вдоль него. И стоило мне решиться ступить на эту стезю, как я понял: путь этот вовсе не путаный. Это прямая дорога, лежащая предо мной.

Шитоу упрямо мотнул головой.

— Небесный путь — не моя тропа, а грех — не моё испытание, — прошептал Сюэ Линцзин. — Понимаешь теперь? Не путы кармы убьют меня.

Шитоу застыл. Сглотнув застрявший в горле ком, он вымученно усмехнулся:

— Надо же, на пороге смерти, а всё о том дурацком уговоре печёшься! Сразу предупреждаю: и не думай, что я стану нянчиться с твоими учениками...

Договорить он не успел. В затылок повеяло холодом. Шитоу потянулся назад и ощутил, как в ладонь ему бережно вложили прохладный предмет. Он поднёс руку к глазам — это было кольцо из белого нефрита.

— Я передаю тебе власть над школой Улин, — отчётливо, чеканя каждое слово, произнёс Сюэ Линцзин. — Моя последняя просьба — прими это кольцо.

Шитоу ошеломлённо выдохнул:

— Сюэ Линцзин, ты с ума сошёл?

Тот слабо, сквозь силу усмехнулся:

— Неужто струсил?

— Мне сейчас не до шуток! — рассердился Шитоу. — Я обычный смертный! У меня нет ни капли духовных сил, нет дара к совершенствованию. Я привык жить сам по себе: захочу — обругаю, захочу — ударю. А твои ученики, эти напыщенные праведники...

— Так струсил? — перебил его Сюэ Линцзин.

Шитоу в сердцах топнул ногой и принялся натягивать кольцо на указательный палец. Но на полпути его рука замерла.

— Сюэ Линцзин... если я надену его, ты ведь умрёшь?

В ответ раздался лишь едва слышный смешок.

Нефритовое кольцо медленно скользнуло до самого основания пальца. Шитоу растерянно уставился на свою ладонь. Прислушиваясь к прерывистому, едва уловимому дыханию за спиной, он тихо позвал:

— Ты ещё здесь? Сюэ Линцзин?

— Да...

— Точно живой? — переспросил он, боясь упустить ответ.

— Живой... Хватит трещать, — голос главы школы Сюэ таял, уносимый порывами ветра.

Шитоу смолк. Прошло много времени, прежде чем тихий, шуршащий, точно сухой камыш, шёпот вновь коснулся его слуха:

— Послушай... Я ведь так и не спросил... Как твоё настоящее имя?

— Меня зовут Се Цюши, — ответил Шитоу.

Дыхание на его плече внезапно прервалось. Навалилась глухая, мёртвая тишина.

— Сюэ Линцзин! Ты меня слышишь?! — взмолился Шитоу.

— Се... Се... — едва слышно донеслось в ответ.

— Да за что благодарить-то? У тебя жар? — Шитоу поспешно коснулся его лба, но пальцы обожгло могильным холодом. — Сюэ Линцзин?

На этот раз ответа не последовало. Дыхание на шее угасло окончательно.

Шитоу замер. Его рука медленно опустилась и безвольно повисла вдоль тела.

Он огляделся. Налетевший неведь откуда горный вихрь в мгновение ока развеял благодатное видение Персикового источника. Исчезли гуляющие люди, смолк весёлый смех. В ущелье воцарилась первозданная тишина, нарушаемая лишь едва различимым шуршанием насекомых в сухой траве. Склон Обернувшегося Оленя вновь предстал пред ним прежним — бесплодным, мёртвым косогором, усыпанным серыми камнями.

— Сюэ Линцзин...

Шитоу неподвижно стоял посреди этого безмолвия. Наконец его руки разжались, и безжизненное тело тяжело соскользнуло на землю. Обернувшись, он увидел главу школы Сюэ, безмятежно лежащего на боку. Его глаза были плотно закрыты, лицо оставалось белым, словно чистый снег — казалось, он просто крепко уснул.

Но из-под полы его широкого даосского халата виднелись лишь обглоданные тварями, искусанные белые кости.

Шитоу безжалостно выжег остатки прожорливых насекомых духовным пламенем и, шатаясь, побрёл обратно в обитель Улин.

У подножия задней горы его встречал лишь Фу Цинфэн. Однако до слуха Шитоу уже доносился приглушённый шёпот сотен учеников, разносившийся по всему хребту:

— Неужто наш глава вознёсся?

— Но ведь рядом с ним не было защитников... Сердце у меня не на месте.

— Да чего вы трусите! Видели, какое знамение явилось над Склоном Обернувшегося Оленя? Сами небеса расцвели Персиковым источником! Это же верный признак истинного вознесения!

— А как же эти пожирающие парчу черви?..

Шитоу слушал эти голоса, напрягшись всем телом. Он судорожно зажал рот ладонью, издав несколько невнятных звуков — то ли подавленный рык, то ли безумный смех. Сделав глубокий вдох, он заставил себя расправить плечи и зычно прокричал:

— Глава школы Сюэ успешно преодолел небесное испытание и вознёсся в чертоги бессмертных! Изменник Сун Чжуй и пожирающие парчу черви истреблены! Великая беда обернулась для Улин великим благом! Объявляю три дня отдыха! Всем собраться на Террасе Бессмертных Облаков для праздничного пира!

Горы на мгновение затихли, а затем взорвались громоподобным ликованием. Шитоу подпрыгнул, вскарабкался на огромный валун, у которого ещё несколько дней назад покорно выслушивал выговоры, и снова закричал во весь голос:

— Глава Сюэ вознёсся! Злодеи повержены! Беда миновала! Три дня празднеств и пиров!

Эхо заметалось по ущелью. Шитоу прокричал эти слова ещё несколько раз, пока силы окончательно не оставили его. Колени его подогнулись, он сполз на землю и забился в глубокую тень валуна. Привалившись спиной к холодному камню, он тупо уставился на сияющий белый нефрит на своём пальце.

Из-за валуна показался силуэт. Шитоу поднял глаза — перед ним стоял Фу Цинфэн.

— Что с учителем? — дрожащим от волнения голосом спросил Фу Цинфэн. — Он... он и вправду вознёсся?

Шитоу долго молчал. Наконец он медленно кивнул.

Фу Цинфэн перевёл взгляд на его покрасневшие глаза, а затем — на белое нефритовое кольцо. Он покачнулся, словно от удара. Резко опустившись на корточки, он мёртвой хваткой вцепился в левую руку Шитоу:

— Тогда чья это кровь на твоих одеждах?! Отвечай!

Шитоу посмотрел на обезумевшего от горя собеседника и бережно, палец за пальцем, разжал его хватку.

— Отвечай же! — в ярости выкрикнул Фу Цинфэн.

— Он вознёсся, — ровно, чеканя каждое слово, повторил Се Цюши. — А значит, его гибель не ляжет грехом на ваши души. Ни на чью из вас. Понимаешь?

Фу Цинфэн застыл, точно каменное изваяние.

Прошло несколько долгих мгновений. Вдруг он с силой швырнул кувшин с вином о камни — черепки со звоном разлетелись в стороны. Под аккомпанемент радостных криков и ликующих возгласов, доносившихся со всех концов горы Улин, он рухнул на колени и безутешно зарыдал.

<http://bllate.org/book/18360/1798449>